

## III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

**Информация для цитирования:**

Ананьева А. А. Целевая общность как основа построения системы договоров оперативного управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 165–174. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-165-174.

Ananyeva A. A. Tselevaya obshchnost' kak osnova postroeniya sistemy dogovorov operativnogo upravleniya [Unity of Purposes as a Basis for the Formation of the System of Operative Management Contracts]. Vestnik Perm-skogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 165–174. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-165-174.

УДК 347.463

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-165-174

**ЦЕЛЕВАЯ ОБЩНОСТЬ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ  
СИСТЕМЫ ДОГОВОРОВ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ****А. А. Ананьева**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры  
гражданского и международного частного права  
Саратовская государственная юридическая академия  
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

ORCID: 0000-0002-2018-9918

ResearcherID: E-2364-2016

E-mail: annaslast@mail.ru

**Введение:** статья посвящена комплексному научно-практическому исследованию целевой общности, являющейся основой построения системы договоров оперативного управления. При этом система гражданско-правовых договоров оперативного управления рассмотрена с учетом многоуровневости данной системы, разделения ее на подсистемы, а также с учетом закономерностей целеобразования, присущих правовой системе в целом. **Цель:** определить, в чем заключается цель оперативного управления, так как это позволит уяснить, что является экономическим и юридическим результатом оказания услуг; смоделировать универсальную специальную конструкцию договора о передаче полномочий, отражающую его сущность. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** под целью оперативного управления, ориентированной на экономический результат, предложено понимать своевременное обеспечение согласованных с учетом потребностей и интересов учредителей управления значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени. Также обращается внимание на то, что договор о передаче полномочий и договор оперативного управления являются различными договорами: у каждого из них свой предмет и может быть неодинаковый субъектный состав. **Выводы:** система договоров оперативного управления имеет целевую направленность на регулирование общественных отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором властных полномочий (правомочий), переданных ему принципалом (ами), для обеспечения заданных значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени.

Ключевые слова: договор оперативного управления; оперативное управление; договор о передаче полномочий; управление; система; система договоров; целевая общность; целевая направленность

## UNITY OF PURPOSES AS A BASIS FOR THE FORMATION OF THE SYSTEM OF OPERATIVE MANAGEMENT CONTRACTS

**A. A. Ananyeva**

Saratov State Academy of Law  
1, Volskaya st., Saratov, 410056, Russia  
**ORCID:** 0000-0002-2018-9918  
**ResearcherID:** E-2364-2016  
e-mail: annaslast@mail.ru

**Introduction:** the article is devoted to complex scientific and practical study of the unity of purposes, which is the basis for formation of the operative management contracts system. The system of operative management civil contracts is considered with regard to its multi-level structure, division into subsystems, as well as to the laws of goal formation in the legal system as a whole. **Purpose:** to determine the purpose of operative management, as this will allow one to understand the economic and legal result of providing services, to model a special universal design of the contract on delegation of authority, reflecting its essence. **Methods:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectic logic; specific scientific methods (the legal dogmatic method and the method of legal norms interpretation). **Results:** it is proposed to understand the goal of operative management focused on economic results as timely provided values of parameters for the management object during a certain time, providing those values are agreed upon the needs and interests of the founders. The attention is drawn to the fact that the contract on delegation of authority and the contract of operative management are two separate contracts: each has its own subject matter and can have different contracting parties. **Conclusions:** the operative management contracts system is tailored to regulate public relations in providing services of timely implementation of the operator's authority given to them by the principal(s) in order to ensure the given values of parameters of the management object during a certain time.

---

Keywords: operative management; operative management contract; management; delegation of authority contract; system; system of contracts; unity of purposes; goal orientation

### Введение

Несмотря на общность гражданско-правовых договоров оперативного управления, следует отметить, что они довольно разнообразны. Данное обстоятельство предполагает не только их единство, но и дифференциацию, что влечет за собой многоуровневость данной системы. Разделение системы на подсистемы, при котором исследование системы можно провести на основе исследования подсистем с учетом их влияния друг на друга и взаимодействия, происходит с применением метода декомпозиции (диакоптики) [12, с. 56]. Понятие «подсистема» подразумевает, что выделяется относительно независимая часть системы, обладающая свойствами системы и, в частности, имеющая подцель, на достижение которой ориентирована подсистема [3, с. 25]. Каждая подсистема может быть рассмотрена как самостоятельная система. Как отмечает Д. А. Керимов, правовое целое может выступать в виде части или подсистемы другой, более объемной системы, равно как и в границах своего органического единства рас-

членяться на внутренние подсистемы (или системы иного уровня) [7, с. 235]. Рассмотрим с этих позиций систему гражданско-правовых договоров оперативного управления.

### Основной контент

Прежде всего обратим внимание на закономерности целеобразования (закономерности возникновения и формулирования целей, закономерности формирования структур целей). Правовые системы не бывают бесцельными. «Цель как философская категория лежит в основе исследования правовых явлений и процессов, детерминирует правотворчество, само право, законодательство и его реализацию, совершенствование и развитие правовой системы» [7, с. 270]. Это касается и системы договоров оперативного управления, которые в данном случае являются средствами достижения определенных целей и интересов участников договорных отношений. Б. И. Пугинский считает, что интерес определяет зону целей. Он может пониматься как форма проявления потребности, направленность на удовлетворение которой обеспечивает-

ся через осознание и определение целей деятельности [11, с. 73].

Закономерность целеобразования не может быть оторвана от других закономерностей развития и функционирования системы. В частности, это касается закономерности эмерджентности, которая всегда обуславливает построение древа целей. Данная закономерность проявляется в том, что элемент, попадая в систему, утрачивает часть своих свойств и вынужден подчиняться целям системы, в то время как сама система не сводится к сумме свойств входящих в нее элементов и приобретает функции, которые каждый отдельный элемент выполнить не в состоянии. Свойство эмерджентности (целостности) систем позволяет выявить неочевидные цели. В. Н. Волкова обращает внимание на то, что, «если цель не задана в явном виде, а у отображаемого объекта наблюдаются целостные свойства, можно попытаться определить цель и выражение, связывающее цель со средствами ее достижения (целевую функцию), системообразующий критерий, путем изучения причин появления закономерности целостности» [4, с. 60].

Закономерность целеобразования взаимобусловлена с закономерностью иерархической упорядоченности систем. Цели одного уровня взаимосвязаны с целями другого уровня таким образом, что при изменении целей, расположенных на более высокой ступени системной иерархии, происходит изменение нижестоящих целей.

Д. А. Керимов отмечал, что «цель по необходимости реализуется в той или иной материально или духовно осязаемой форме, которая в итоге представляет собой результат реализации потребности» [7, с. 272]. Для определения цели исследуемой системы, необходимо выяснить, в чем заключается потребность субъектов в гражданско-правовых договорах. На наш взгляд, такая потребность выражается в необходимости правового регулирования общественных отношений, обладающих определенной спецификой. Между тем стоит отметить, что у самих гражданско-правовых договоров цели отсутствуют. Цель – категория субъективная и может быть только у субъектов, причем у каждой из сторон договора она своя [8, с. 42]. Договор же, будучи соглашением, является результатом согласования противоположных целей контрагентов, и характеризуется целевой направленностью. Поэтому далее при построении древа целей будем иметь в виду, что, на самом деле, речь идет об уровнях целевой направленности системы гражданско-правовых договоров. Слово «цель» вместо слова «направленность» будет использовано исключительно для соблюдения терминологии теории систем.

Итак, главной целью системы договоров оперативного управления является гражданско-правовое регулирование договорных отношений по оказанию услуг оперативного управления. Однако такое понимание цели является упрощенным, поскольку не раскрывает сущности оказываемых услуг, а также полностью не отражает экономического и юридического результатов. Поэтому следует более подробно остановиться на содержательном аспекте данной цели. Для этого следует понять, в чем заключается цель оперативного управления, так как это позволит уяснить, что является экономическим результатом оказания услуг. Кроме того, необходимо выявить юридический результат, на который направлена цель системы договоров оперативного управления.

При решении поставленных задач необходимо учитывать, что система договоров оперативного управления является открытой, а потому структурно и функционально связана с системами как более высокого уровня, так и с одноуровневыми системами. Одной из сфер оперативного управления, требующего внедоговорного гражданско-правового регулирования, является сфера банкротства. Система гражданско-правовых норм о несостоятельности (банкротстве) является одноуровневой по отношению к системе договоров оперативного управления. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений по оперативному управлению также находит отражение в вещном праве, а именно в гражданско-правовом институте оперативного управления [19]. Поэтому цели системы договоров оперативного управления должны соотноситься с целями других институтов, в том числе института оперативного управления в вещном праве, и учитывать юридический результат, на который они направлены.

Говоря об экономическом результате, следует отметить, что цель управления является составной частью процесса управления [15, с. 16]. «Можно сказать, что цель в управлении представляет собой идеальный образ (логическую модель) желаемого состояния субъекта или объекта управления, сформулированный на основе познания и учета их объективных закономерностей и организационных форм, потребностей и интересов» [1, с. 164]. Любое состояние характеризуется значениями параметров в определенный момент времени. Применительно к различным объектам оперативного управления набор параметров может быть разным. Например, Л. Ю. Михеева обоснованно отмечает, что доверительное управление имуществом может иметь своей целью не только извлечение доходов из этого имущества, но и увеличение

имущества или просто поддержание его в надлежащем состоянии [9, с. 12]. Следовательно, параметрами такого управления могут выступать размер полученных доходов, количество имущества, его качество. Данный вывод справедлив для всех договоров оперативного управления вещами.

Для договоров управления интеллектуальными правами в качестве основного параметра выступает размер полученных доходов. Основные управляемые параметры, характеризующие состояние такого управляемого объекта, как деятельность, зависят от ее существа. Так, для транспортной деятельности характерны такие параметры, как время и скорость доставки в пункт назначения. Целью оперативного управления транспортной деятельностью является обеспечение непрерывности, своевременности доставки грузов, пассажиров, багажа или транспортных средств в пункт назначения, а также согласованности действий участников транспортного процесса.

Учитывая вышеизложенное, можно сформулировать цель оперативного управления, ориентированную на экономический результат. Под ней следует понимать *своевременное обеспечение согласованных с учетом потребностей и интересов учредителей управления значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени*. Особое внимание нужно обратить на то, что одним из системообразующих моментов процесса выдвижения целей субъектом управления является знание потребностей и интересов тех, в чьих интересах происходит управление (объективация управления) [1, с. 166]. Цели управленческой деятельности не должны быть плодом оторванных от действительности фантазий транспортного оператора как субъекта управления. Его интересы и потребности должны признаваться вторичными по отношению к интересам тех участников транспортного процесса, поведением которых он управляет, а также по отношению к интересам и потребностям тех лиц, которые являются потребителями транспортных услуг (грузоотправителей, грузополучателей, пассажиров, владельцев буксируемых транспортных средств). Ориентация на интересы потребителя, учет и защита интересов слабой стороны договора, выравнивание юридического положения участников правоотношения, свойственны гражданско-правовому регулированию. Поэтому естественным выглядит вывод о приоритете интересов контрагентов субъекта управления.

Целевая направленность гражданско-правового договора должна быть ориентирована не только на экономический, но и на *юридический*

*результат*. Право оперативного управления представляет собой комплекс правовых возможностей. Правовая природа этих возможностей одинакова у системы гражданско-правовых договоров оперативного управления и иных гражданско-правовых институтов, регулирующих отношения оперативного управления, ввиду их целевой общности и системности. Поэтому вполне допустимо использовать те научные наработки и выводы цивилистов, относящиеся к несостоятельности (банкротству) и вещному праву оперативного управления, при исследовании системы договоров оперативного управления. Будем иметь это в виду при решении задачи определения юридических результатов, на которые ориентированы цели договоров оперативного управления.

Поскольку все договоры оперативного управления обладают общей направленностью, то следует обратить внимание на утверждение Ю. В. Романца, касающиеся договора доверительного управления. Автор отмечает, что нормы о данном договоре отражают именно направленность на оказание услуги по управлению имуществом. Далее он подчеркивает направленность договора доверительного управления имуществом на оказание услуг по осуществлению правомочий собственника в отношении договорного имущества в течение определенного срока в целях извлечения выгоды [13]. На наш взгляд, юридической предпосылкой оказания услуг по оперативному управлению является факт наделения субъекта управления правомочиями, в результате чего у последнего возникает правовая возможность совершения управляющих воздействий. Такая ситуация характерна для договоров оперативного управления имуществом либо интеллектуальными правами. В тех же случаях, когда договорами регулируется оперативное управление деятельностью, юридическая характеристика направленности гражданско-правовых договоров будет проявляться не в передаче субъекту управления правомочий, а в наделении его полномочиями.

Следует отметить, что в науке гражданского права высказаны два взаимоисключающих вывода о правовой природе полномочия. Одни ученые придерживаются мнения о том, что оно представляет собой субъективное право (О. А. Красавчиков) [17, с. 214], а другие категорически возражают против этого (см, например, [10, с. 76; 16, с. 34; 18, с. 107]). Ю. С. Харитонов предлагает считать полномочие секундарным правом [18, с. 154]. С этим выводом следует согласиться. Секундарное право – это возможность преобразовать субъективное право в конкретном правоотношении и, как следствие,

само правоотношение. В этом его отличие от гражданской правоспособности, которая представляет собой более абстрактные возможности по приобретению, осуществлению, обладанию и распоряжению правами вообще. Объектом секундарного права всегда является «единичное конкретное субъективное право» [18, с. 154]. Отсюда вывод о том, что секундарное право не может существовать в отрыве от субъективного гражданского права. Данное умозаключение важно для отражения специфики права оперативного управления в гражданском праве. На эту особенность обращает внимание В. Ф. Яковлев применительно к правовым возможностям, заложенным в нормах об ограниченных вещных правах. Автор подчеркивает: «Право оперативного управления не является коренным, оно строится как вторичное, производное от права собственности и по своему содержанию, по заключенным в нем правовым возможностям значительно уже права собственности» [19]. Таким образом, ***полномочие (правомочие) оператора, как субъекта управления, всегда производно от правоспособности лица, передающего полномочия (принципала).***

В этой связи важно отметить, что принципал является полноценным участником данного процесса наряду с субъектом управления. Это проявляется в гражданско-правовой природе властных полномочий оператора. В. Ф. Яковлев отмечает: «Следующее отличие выражается в том, что если право собственности осуществляется его субъектом “своей властью”, по “своему усмотрению”, то *право оперативного управления осуществляется не только властью его субъекта, но и властью собственника* (выделено нами. – А. А.). Государство как собственник, наделяя свои предприятия правом оперативного управления имуществом, определяет в нормативном порядке рамки правовой свободы по управлению имуществом, которым предприятие располагает» [19]. Подобное утверждение легко проецируется на порядок осуществления права оперативного управления, основанного на гражданско-правовом договоре. Лицо, передающее полномочие по договору, при согласовании договорных условий участвует в определении рамок правовой свободы оператора по оперативному управлению. Поэтому правомерным представляется вывод о том, что ***в гражданском праве границы властных полномочий субъекта оперативного управления всегда производны от воли лица, передающего полномочия.***

Подтверждает данные выводы о передаче властных полномочий и результат анализа совокупности норм права о несостоятельности

(банкротстве), которая является внешней системой более высокого уровня по отношению к системе договоров оперативного управления. Е. Г. Дорохина, обращая внимание на то, что управление в экономической сфере приобрело комплексный характер, отмечает, что с развитием рынка отношения управления, которые до недавнего времени регулировались административным правом, стали неотъемлемым спутником экономических (имущественных) отношений. По мнению автора, банкротство объективно нуждается в управляющем воздействии со стороны кредиторов и иных участников банкротства [5, с. 43]. Иная позиция высказана Конституционным Судом РФ в многочисленных своих постановлениях. В частности, отмечается: «Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 22 июля 2002 г. № 14-П по делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона “О реструктуризации кредитных организаций”, пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, процедуры банкротства носят публично-правовой характер, они предполагают принуждение меньшинства кредиторов большинством, а потому, вследствие невозможности выработки единого мнения иным образом, воля сторон формируется по другим, отличным от искового производства, принципам»<sup>1</sup>.

Более убедительно, на наш взгляд, особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова, который обоснованно утверждает, что институт несостоятельности (банкротства) относится к отрасли частного (гражданского) права не только в силу доктрины и давней традиции, но, прежде всего, потому, что, по сути, является феноменом рыночной экономики, лежит в сфере хозяйственно-предпринимательской деятельности и связан с удовлетворением имущественных интересов и требований кредиторов как субъектов гражданского оборота. По справедливому замечанию судьи, нет никаких оснований утверждать, что «и арбитражный управляющий обладает какими-либо административными или иными государственно-властными полномочиями, и приписывать ему публично-правовой статус. Непонятно, почему Конституционный Суд полагает, что обязанности арбитражного управляющего, оп-

<sup>1</sup> По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева»: постановление Конституц. Суда РФ от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3, ст. 335.

ределенные, в частности, пунктами 4 и 6 статьи 24 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», – принимать меры по защите имущества должника, анализировать его финансовое состояние, действовать добросовестно и разумно и т. д., – носят публично-правовой характер. Очевидно, это не так. Все эти требования прямо вытекают из Гражданского кодекса Российской Федерации».

Спорное, на наш взгляд, мнение по данному поводу высказывает М. А. Егорова. Она пишет: «Однако обязательность исполнения решений арбитражного управляющего иными лицами совершенно не означает того, что ему “делегированы” властные полномочия и он приобретает статус публично-правового субъекта, ибо его решения сами по себе являются результатом исполнения предписанных арбитражному управляющему обязанностей» [6, с. 15]. С одной стороны, можно согласиться с тем, что арбитражный управляющий не приобретает статуса публично правового субъекта. С другой стороны, это вовсе не означает, что ему не передаются властные полномочия. Если говорить о публично-властных полномочиях, то можно согласиться с позицией М. А. Егоровой. Иное дело, когда речь идет о передаче властных полномочий, основанных на частном праве.

Арбитражный управляющий осуществляет власть в отношении имущества должника [20, р. 12–13], поскольку обладает полномочиями, что «свидетельствует о властном характере деятельности соответствующего субъекта» [2, с. 79]. При этом отношения между должником и арбитражным управляющим являются имущественными, а само имущество в собственность арбитражному управляющему не поступает. Арбитражный управляющий наделяется возможностью совершать юридические действия от имени должника. Вопрос о том, каким образом это происходит, в данном случае не имеет значения, важен сам факт наделения полномочиями, производными от субъективных прав собственника имущества. Особо акцентируем внимание на том, что полномочия производны не от требований закона, т. е. не от обязанностей арбитражного управляющего, указанных в нормах права, а на субъективном праве должника, имеющем вещно-правовую природу. Поэтому форму гражданско-правовой связи между должником и арбитражным управляющим можно назвать вторичным правом. Тот факт, что наделение полномочиями производится на основании судебного акта, имеющего публично-правовую природу, не влияет на квалификацию складывающихся гражданских правоотношений.

Анализ норм права о несостоятельности и банкротстве и об ограниченном вещном праве оперативного управления, как о системах более высокого уровня по отношению к системе договоров оперативного управления, позволил выявить общую правовую природу полномочий учредителя управления. Однако для выявления особенностей механизма передачи полномочий управляющему на основе гражданско-правового договора этого явно недостаточно, поскольку применительно к указанным правовым институтам основаниями для наделения полномочиями являлись в одном случае решение собрания плюс судебный акт, а во втором, – решение собственника (государства).

Для выяснения *механизма передачи и реализации полномочий* на договорной основе следует определить: субъекты, участвующие в передаче полномочий; способ и объект передачи, структуру договорных связей и этапы механизма.

Субъектами, участвующими в передаче полномочий, являются лицо, передающее полномочие (принципал) и субъект управления (приобретатель). В зависимости от предполагаемого объекта оперативного управления в качестве лица, передающего полномочия, могут выступать различные субъекты права. Так, если речь идет о передаче полномочий исполнительного органа юридического лица, то в качестве принципала выступает юридическое лицо. Если полномочия передаются для управления залогом, то их передают кредиторы по обязательству, обеспечиваемому залогом. Доверительному управляющему полномочия передает собственник имущества. Передача полномочий по управлению авторскими правами осуществляется автором. Транспортному оператору полномочия передают те лица, деятельность которых подлежит управлению. К числу таковых применительно к различным схемам оперативного управления могут относиться перевозчики, владельцы транспортных инфраструктур, операторы подвижного состава, владельцы терминалов для хранения грузов и т. п.

В качестве объекта передачи выступает полномочие, имеющее правовую форму вторичного права. В качестве способа передачи полномочия – выступает гражданско-правовой договор о передаче полномочий.

Переходя к описанию структуры договорных связей, следует сделать важный, на наш взгляд, вывод о том, что *договор о передаче полномочий и договор оперативного управления являются различными договорами*, у которых отличные друг от друга предметы и может быть неодинаковый субъектный состав. Структура правоотношений, возникающих из этих догово-

ров, также различается. Например, договор оперативного управления смешанными перевозками грузов заключается между грузоотправителем и транспортным оператором, в качестве которого может выступать транспортный экспедитор. Предметом этого договора являются услуги оперативного управления перевозкой. Однако, для того, чтобы оператору выполнить свои обязанности по этому договору, требуется наделение его полномочиями по осуществлению управленческой деятельности. Для этого оператором заключаются договоры о передаче полномочий с субъектами, которых он привлекает к исполнению своих обязанностей (перевозчиками, владельцами транспортной инфраструктуры и т. п.). Предметом этого договора является передача полномочий. Таким образом, структура договорных связей является двухуровневой: первый уровень – договоры о передаче полномочий, второй уровень – договоры оперативного управления.

Вместе с тем не исключено заключение смешанного договора, включающего элементы как договора оперативного управления, так и договора о передаче полномочий. Примером могут служить договоры перевозчиков с операторами путей сообщения. В рамках таких смешанных договоров передаются полномочия транспортному оператору, на основании которых он осуществляет услуги оперативного управления движением.

К сожалению, в гражданском законодательстве отсутствует определение договора о передаче полномочий, что не мешает заключать такие соглашения на практике. Вместе с тем полагаем, что необходимо смоделировать универсальную специальную конструкцию договора о передаче полномочий, отражающую его сущность. При этом следует исходить из того, что переданное полномочие, с одной стороны, создает новые возможности для его приобретателя, а с другой – не порождает никакой субъективной обязанности у передающего его лица. Хотя в литературе и предпринимаются попытки обосновать наличие субъективной обязанности у представляемого и на этом основании объявить полномочие субъективной обязанностью, они явно несостоятельны. Во-первых, передача полномочий отнюдь не ограничивается случаями представительства, а к иным случаям приводимая аргументация неприменима. Во-вторых, субъективные обязанности представляемого (например, принятие исполненного по сделкам) корреспондируют не правомочиям, а субъективным правам, которые возникают в результате реализации этих правомочий. К тому же если признать данную позицию верной, то придется

согласиться с тем, что представляемым передается не полномочие, а субъективное право. Но для этого необходимо, чтобы представляемый таким правом обладал на момент передачи, а это не так.

Подчеркнем, что когда мы говорим об отсутствии у принципала обязанностей, то это относится к случаю, когда договор уже исполнен, а полномочие передано. До этого момента у должника существует обязанность передать полномочие. Если такое полномочие передается на безвозмездной основе, то **договор о передаче полномочий** будет являться односторонним, т. е.: *одна сторона (приобретатель) имеет право требовать передачи полномочий в согласованном объеме, а другая сторона (принципал) обязана передать полномочия.*

Подводя итог размышлениям о направленности системы договоров оперативного управления на юридический результат, напомним, что в случаях оперативного управления имуществом принципал может передавать правомочия, а не полномочия. Поэтому следует отметить, что секундарные права отличаются не только от правомочий, входящих в состав правоспособности, но и от полномочий, являющихся элементами субъективного гражданского права. Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: **осуществление переданных оператору полномочий представляет собой юридический результат, на который направлены договоры оперативного управления деятельностью.**

### Заключение

Общность полномочий и правомочий проявляется в тех юридических возможностях, которыми гражданское право наделяет их обладателей. Исходя из этого и учитывая экономический и юридический результаты, можно сделать вывод, что система договоров оперативного управления имеет целевую направленность *на регулирование общественных отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором властных полномочий (правомочий), переданных ему принципалом (ами), в целях обеспечения заданных значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени.*

Так выглядит главная цель исследуемой нами системы. Главную цель системы договоров оперативного управления (обозначим ее номером 1) отражает специальная договорная конструкция оперативного управления.

Главная цель может быть декомпозирована в зависимости от объекта управления. На этом основании можно выделить три цели более уз-

кого уровня: 1.1 – регулирование отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором правомочий, переданных ему принципалом (ами), в отношении *вещей* в целях обеспечения заданных значений размера полученных доходов, количества имущества, его качества; 1.2 – регулирование отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором правомочий, переданных ему принципалом (ами), в отношении *интеллектуальных прав* в целях обеспечения заданных значений размера полученных доходов; 1.3 – регулирование отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором властных полномочий, переданных ему принципалом (ами), в отношении *деятельности* в целях недопущения ее отклонения от согласованных параметров.

При декомпозиции первых двух из названных подцелей выделяется только один уровень подчиненных целей, а при декомпозиции третьей подцели выделяются еще две ступени целевой классификации. Итак, в подгруппу целей, направленных на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления (1.1) входят цели, направленные на регулирование отношений по оказанию следующих услуг: доверительного управления имуществом (1.1.1); управления залогом (1.1.2). В подгруппу целей, направленных на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления интеллектуальными правами (1.2), входят юридические конструкции договоров о передаче интеллектуальных прав в управление (1.2.1).

В подгруппу целей, направленных на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью (1.3.) входит две подгруппы: 1.3.1 – цели, направленные на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления по передаче вещей, выполнению работ и оказанию услуг; 1.3.2 – цели, направленные на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью корпораций. Подгруппа целей (1.3.1) подразделяется на следующие подцели, направленные на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью по: 1.3.1.1 – передаче вещей; 1.3.1.2 – выполнению работ; 1.3.1.3 – оказанию услуг. Подгруппа целей (1.3.2) не декомпозируется и направлена на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью о передаче полномочий единоличного исполнительного органа.

В заключение хотелось бы отметить, что договоры, направленные на оперативное управление, в настоящее время относятся к различ-

ным правовым институтам и даже к различным подотраслям гражданского права. По крайней мере, данный вывод следует из анализа структуры гражданского кодекса РФ. Однако, как мы видим, это вовсе не означает, что такие договоры бессистемны.

### Библиографический список

1. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления: курс лекций. М.: Омега-Л, 2004. 584 с.
2. *Белых В. С.* Правовые основы банкротства юридических лиц: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. 80 с.
3. *Богданов Е. В.* Правовое положение арбитражного (судебного) управляющего // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2014. № 8. С. 74–80.
4. *Волкова В. Н., Денисов А. А.* Теория систем: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 511 с.
5. *Дорохина Е. Г.* Регулирование отношений управления в системе банкротства // *Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом».* 2010. № 3. С. 43–47.
6. *Егорова М. А.* Обязательное саморегулирование как институт частного права // *Предпринимательское право.* 2014. № 4. С. 10–17.
7. *Керимов Д. А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2008. 521 с.
8. *Колодуб Г. В.* Проблема соотношения правовых категорий (явлений) «исполнение гражданско-правовой обязанности», «исполнение гражданско-правового обязательства» и «исполнение договора» // *Юрист.* 2013. № 24. С. 38–43.
9. *Михеева Л. Ю.* Доверительное управление имуществом. М.: Юристъ, 1999. 176 с.
10. *Нерсесов Н. О.* Понятие добровольного представительства в гражданском праве // *Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве.* М.: Типолит. И. И. Смирнова, 1998. 191 с.
11. *Пугинский Б. И.* Теория и практика договорного регулирования. М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. 224 с.
12. *Разумов О. С., Благодатских В. А.* Системные знания: концепция, методология, практика. М.: Финансы и статистика, 2006. 400 с.
13. *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2013. 496 с.
14. *Рясенцев В. А.* Представительство в советском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1948. 265 с.



15. Салиева Р. Н. Государственное управление отношениями недропользования в Российской Федерации // Энергетическое право. 2014. № 2. С. 16–19.
16. Скловский К. И. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // Хозяйство и право. 2004. № 11. С. 99–112.
17. Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1972. 56 с.
18. Харитонова Ю. С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2011. 304 с.
19. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Гражданское право: История и современность. М.: Статут, 2012. Т. 2, кн. 1. 976 с.
20. Breuer W. Das neue Insolvenzrecht. Munchen, 1998. 324 p.
21. Bridge M. Personal Property Law. London, 1993. 152 p.
22. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability // World Applied Sciences Journal. 2013. Issue 24(1). Pp. 31–34. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
23. Herbots J. Contract Law in Belgium. Deventer; Boston, 1995. 181 p.
24. Lehrbuch des Schuldrechts. Vol. 1. Allgemeiner Teil. Munchen, 1959. 440 p.
25. Marianne M. Jennings. Business: Its Legal, Ethical and Global Environment. Cengage Learning, 2010. 684 p.
26. Markesinis B. S., Lorenz W., Dannemann G. The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction. Oxford, 1997. 487 p.
27. Marsh P. D. V. Comparative Contract Law. England, France, Germany, Hampshire, 1996. 331 p.
28. Pescatore Gustav. Die sogenannte alternative Obligation. Marb, 1880. 280 p.
29. Petersen L. L., Orgaard N. Danish Insolvency Law. Copenhagen, 1996. 94 p.
30. Principles of European Contract Law. Part I and II; ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, Boston, 2000. 83 p.
31. Recht Des Bürgerlichen Gesetzbuches – Allgemeiner Teil. Sammlung Göschen, Berlin, 1920. 150 p.
32. Samuel G., Rinkes J. The English law of obligations in comparative context. Nijmegen, 1991. 177 p.
33. Towards a European Civil Code; ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Hondius, C. E. du Perron, B. M. Vranken. Nijmegen, Dordrecht, Boston, London, 1994. 345 p.
34. Zakharkina A. V. Facultative Obligation Construction // World Applied Sciences Journal. 2014. 30 (10). Pp. 1214–1217. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.10.14149.
35. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Deventer, Boston, 1992. 246 p.
36. Wang Y. L., Wallace S. W., Shen B., Choi T. M. Service supply chain management: A review of operational models // European Journal of Operational Research. 2015. Issue 3. Pp. 685–698. DOI: 10.1016/j.ejor.2015.05.053.

### References

1. Atamanchuk G. V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya. Kurs lektsiy* [Theory of Public Administration. Course of Lectures]. Moscow, 2004. 584 p. (In Russ.).
2. Belykh V. S. *Pravovye osnovy bankrotstva yuridicheskikh lits: ucheb. posobie*. [Legal Framework for the Bankruptcy of Legal Entities: Textbook]. Ekaterinburg, 1996. 80 p. (In Russ.).
3. Bogdanov E. V. *Pravovoe polozhenie arbitrazhnogo (sudebnogo) upravlyayushchego* [The Legal Status of Arbitral (Judicial) Trustee]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2014. Issue 8. Pp. 74–80. (In Russ.).
4. Volkova V. N., Denisov A. A. *Teoriya sistem: ucheb. posobie* [Systems Theory: Textbook]. Moscow, 2006. 511 p. (In Russ.).
5. Egorova M. A. *Obyazatel'noe samoregulirovanie kak institut chastnogo prava* [Compulsory Self-Regulation as the Institution of Private Law]. *Predprinimatel'skoe parvo – Business Law*. 2014. Issue 4. Pp. 10–17. (In Russ.).
6. Kerimov D. A. *Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Legal Philosophy]. Moscow, 2008. 521 p. (In Russ.).
7. Kolodub G. V. *Problema sootnosheniya pravovykh kategoriy (yavleniy) «ispolnenie grazhdansko-pravovoy obyazannosti», «ispolnenie grazhdansko-pravovogo obyazatel'stva» i «ispolnenie dogovora»* [The Problem of Correlation of Legal Categories (Phenomena) “Enforcement of Civil Obligations” and “Enforcement of Civil Liabilities” and “Enforcement of Contracts”]. *Yurist – Jurist*. 2013. Issue 24. Pp. 38–43. (In Russ.).
8. Mikheeva L. Yu. *Doveritel'noe upravlenie imushchestvom* [Trust Management of Property]. Moscow, 1999. 176 p. (In Russ.).
9. Nersesov N. O. *Ponyatie dobrovol'nogo predstavitel'stva v grazhdanskom prave* [Concept of Voluntary Representation in Civil Law]. *Izbrannye trudy po predstavitel'stvu i tsennym*

- bumagam v grazhdanskom prave* – Selected Works on Representation and Securities in Civil Law. Moscow, 1998. 191 p. (In Russ.).
10. Puginskiy B.I. *Teoriya i praktika dogovornogo regulirovaniya* [The Theory and Practice of Contract Management]. Moscow, 2008. 224 p. (In Russ.).
  11. Razumov O.S., Blagodatskikh V.A. *Sistemnye znaniya: kontseptsiya, metodologiya, praktika* [Systematic Knowledge: Concept, Methodology, Practice]. Moscow, 2006. 400 p. (In Russ.).
  12. Romanets Yu. V. *Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii. 2-e izd., pererab. i dop.* [The System of Contracts in Civil Law of Russia: monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow, 2013. 496 p. (In Russ.).
  13. Ryasentsev V. A. *Predstavitel'stvo v sovetskom grazhdanskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Representation in the Soviet Civil Law: Synopsis of Dr. of jurid. sci. diss.]. Moscow, 1948. 265 p. (In Russ.).
  14. Salieva R. N. *Gosudarstvennoe upravlenie ot-nosheniyami nedropol'zovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Public Relations Management of Subsoil Use in the Russian Federation]. *Energeticheskoe pravo* – Energy Law. 2014. Issue 2. Pp. 16–19. (In Russ.).
  15. Sklovskiy K.I. *Pravomochie i polnomochie v mekhanizme vozniknoveniya grazhdanskikh prav* [Authority and Power in the Mechanism of the Emergence of Civil Rights]. *Khozyaystvo i parvo* – Business and Law. 2004. Issue 11. Pp. 99–112. (In Russ.).
  16. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo / pod red. O. A. Krasavchikova.* [The Soviet Civil Law; ed. by O. A. Krasavchikov]. Moscow, 1972. 56 p. (In Russ.).
  17. Kharitonova Yu. S. *Upravlenie v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki* [Management in Civil Law: Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2011. 304 p. (In Russ.).
  18. Yakovlev V. F. *Izbrannye trudy. Grazhdanskoe pravo: Istoriya i sovremennost'. Kn. 1: v 2-kh t.* [Selected Works. Civil Law: History and Modernity. Book 1: in 2 vols.]. Moscow, 2012. Vol. 2. 976 p. (In Russ.).
  19. Breuer W. *Das neue Insolvenzrecht.* München, 1998. 324 p. (In Ger.).
  20. Bridge M. *Personal Property Law.* London, 1993. 152 p. (In Eng.).
  21. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability. *World Applied Sciences Journal.* 2013. Issue 24 (1). Pp. 31–34. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
  22. Herbots J. *Contract Law in Belgium.* Deventer, Boston, 1995. 181 p. (In Eng.).
  23. *Lehrbuch des Schuldrechts. Bol. 1. Allgemeiner Teil. 14, neubearb. Aufl.* München, 1959. 440 p. (In Ger.).
  24. Marianne, M. *Jennings. Business: Its Legal, Ethical and Global Environment.* Cengage Learning, 2010. 684 p. (In Eng.).
  25. Markesinis B. S., Lorenz W., Dannemann G. *The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction.* Oxford, 1997. 487 p. (In Eng.).
  26. Marsh P. D. V. *Comparative Contract Law. England, France, Germany.* Hampshire, 1996. 331 p. (In Eng.).
  27. Pescatore G. *Die sogenannte alternative Obligation.* Marb, 1880. 280 p. (In French).
  28. Petersen L. L., Orgaard N. *Danish Insolvency Law.* Copenhagen, 1996. 94 p. (In French).
  29. *Principles of European Contract Law. Part I and II;* ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, Boston, 2000. 83 p. (In Eng.).
  30. *Recht Des Bürgerlichen Gesetzbuches – Allgemeiner Teil. Sammlung Göschen,* Berlin, 1920. 150 p. (In Ger.).
  31. Samuel G., Rinkes J. *The English law of obligations in comparative context.* Nijmegen, 1991. 177 p. (In Eng.).
  32. *Towards a European Civil Code;* ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Honius, C. E. du Perron, J. B. M. Vranken. Nijmegen, Dordrecht, Boston, London. 1994. 345 p. (In Eng.).
  33. Zakharkina A. V. *Facultative Obligation Construction.* *World Applied Sciences Journal.* 2014. Issue 30 (10). Pp. 1214–1217. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.10.14149.
  34. Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition.* Deventer, Boston, 1992. 246 p. (In Eng.).
  35. Wang Y. L., Wallace S. W., Shen B., Choi T. M. *Service supply chain management: A review of operational models.* *European Journal of Operational Research.* 2015. Vol. 3. Pp. 685–698. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.ejor.2015.05.053.